

НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО, КРАЙ СУРОВЫЙ ТИШИНОЙ ОБЪЯТ¹. ЧАСТЬ 2.

Якушенков С.Н.

Якушенков Сергей Николаевич, Астраханский государственный
университет, Астрахань, 414056, ул. Татищева 20А.
E-mail: shuilong@mail.ru

Статья является продолжением анализа восприятия пространства в русской культуре. Основное внимание в первой части было уделено восприятию фронтального пространства, порождающего у субъекта неуверенность, грусть, тоску, сменяющиеся бунтом, агрессией, стремлением покинуть не желаемое пространство. Все это нашло свое отражение в своеобразных литаниях, в которых герой рассказывает свою печальную судьбу. Во второй части уделено внимание иной парадигме восприятия фронтального пространства, порожденной официальной пропагандой в СССР, направленной на создание позитивного настроения к освоению новых земель. Хотя истоки этого следует искать еще в 30-х гг. XX в., особенно ярко это проявилось в 60-е гг.. Активное освоение Сибири, целинных земель Казахстана требовало участия больших масс населения в этих масштабных мероприятиях. Пафос освоения новых земель нашел свое отражение во всех направлениях художественной культуры, что в свою очередь, порождало горячий отклик в умах советского человека, готового по призыву сердца, да и правительства, отправиться в далекие края, терпеть невзгоды, но творить новое светлое будущее. В советском дискурсе, посвященном освоению фронтального пространства, ярко проявились два мотива: романтизм первопроходца (геолога, полярника, исследователя новых земель) и величие созидательного труда по возведению нового идеального города. При этом следует учитывать, что второй мотив является своеобразным продолжением библейской традиции, связанной со стремлением «воссоздания» идеального города – «Нового Иерусалима», «города-сада». И хотя часть произведений с подобной тематикой являлась своеобразным госзаказом, в них было мало фальши, так как создавали их творцы, которые сами оказывались носителями подобных идей. Они находили отклик у широких масс населения, в котором подобные идеи не утратили

¹ Статья написана при поддержке фонда РФФИ 15-33-11172 «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

свою актуальность, несмотря на замещение религиозных идей социально-политическими конструктами эпохи социализма.

Ключевые слова: фронтир, топос, локус, восприятие пространства, Сибирь, город-сад, романтика освоения, стройки социализма, утопия, топофилия.

В предыдущей статье (Якушенков, 2016) мы попытались выявить ряд моментов в восприятии топоса, для которых были характерны мотивы исхода из «чужого» пространства, смерти на Чужбине. Все это находило свое отражение в поэтике ламентации и литании, выражавшиеся в жалобе на свою судьбу. Большие открытые пространства казались субъекту ламентации чуждыми, угрожающими его жизни. Как правило, в них доминировали топофобные настроения, в них не находил «своего места» локус. Локус, хотя порой и обозначался, но располагался в неопределенном топосе – где-то там, в нем не было географической привязки.

Наименование локуса служило лишь направлением, указанием на отдаленность и бескрайность локуса. Гетеротопия этого пространства маркировалась «неполными локусами». Этим термином мы назвали такие локусы, которые лишь указывают направление движения, в этих локусах нет действия как такового, действие может происходить в любом месте пространства. Достаточно вспомнить известное «По тундре, по железной дороге, // Где курсирует поезд «Воркута-Ленинград» или схожую ироничный рассказ В. Высоцкого:

«И вот по тундре мы, как сиротиночки,

Не по дороге все, а по тропиночке.

Куда мы шли – в Москву или в Монголию, –

Он знать не знал, паскуда,

я – тем более».

Есть соблазн соотнести подобные локусы с неопределенным «ou-topos'ом», т.е. пространством «нигде»: «у чёрта на куличиках», «у чёрта на рогах», «куда Макар телят не гонял», да и более архаичные – «за тридевять земель, в тридесятом царстве». Однако, как нам кажется, неполый локус все же указывает нам на некое пространство, которое существует, у которого есть границы, по крайней мере имеются географические ориентиры. Пространство «куда Макар телят не гонял» как бы не существует, в то время как

железнодорожный путь, пролегающий между Воркутой и Ленинградом, весьма конкретен, он обозначает огромное пространство страны, в которой и разворачивается драматическое действие побега. Есть и более детальные указания происходящего – «по тундре», что в более определенной форме указывает на топос, но локус в данном варианте так и остается неопределенным. Границы этого локуса размыты, в него могут быть включены самые разнообразные пространства. Очень интересна завязка к одному из первых советских фильмов, посвященных фронтирной тематике, «Аэрограда»¹. Текст фильма поясняет, где происходит действие фильма: «Между Беринговым морем, где гуляют льды и эскадры наших китов, и устьем сверхреки Амура, у берегов Японского моря. Укорачивается Старый Свет и суживается Великий Океан». Правда, затем текст уточняет, что действие все же происходит на Амурской границе, через которую диверсанты несут динамит, замыслив недоброе. Указания на Берингово море, «сверхреку» Амур, Японское море призваны внушить зрителю масштабность этого локуса, перерастающего в топос. Масштабность его подчеркивается и кадрами фильма, в которых показывается бушующее море, многочисленные самолеты, летящие по небу и т.д. Мы еще вернемся к этому фильму, здесь мы лишь хотели подчеркнуть, что традиция указания на неполный локус характерна не только для народных текстов, но и для «официальных» художественных произведений. Локус и в подобных произведениях может служить лишь символом, указывающим путь. Он находится вне географии, важнее лишь само движение в его пределах:

«А река бежит, зовёт куда-то,

Плывут сибирские девчата

Навстречу утренней заре

По Ангаре, по Ангаре» (Гребенников & Добронравов, стр. 7-8).

С формальной точки зрения, пароход не мог двигаться по Ангаре, т.к. движение по р. Ангара происходит на Север, а затем река резко поворачивает на Запад. Реальное пространство уступает символическому, и даже мифологическому (сказочному). Конечно, невозможно требовать от поэтического произведения точной передачи пространственной привязки. Однако, Гребенников и

¹ «Аэроград», фильм А.П. Довженко, 1935 г.

Добронравов в своем описании ангарского путешествия настаивают на том, что в основу песни легли реальные впечатления от пережитого на палубе парохода, идущего по Ангаре: «С верхней палубы парохода всю ночь неслись звуки баяна. Девчонки, те самые девчонки, которых... уже «околдовала Ангара», танцевали, танцевали почти до самого рассвета. А звезды, огромные сибирские звезды, заглядываясь на девчат, срывались с неба и падали, казалось, прямо на корму» (стр. 7).

Движение парохода по могучей сибирской реке, самозабвенный танец девушек, величие природы – все это вызывает патетический восторг у поэтов, воспринимающих все происходящее как движение к новой жизни, символом которой выступает восход солнца. Ю. Лотман говорит по этому поводу, что «внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации – разделяется на область объектов, нечто означающих, символизирующих, указывающих, то есть имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя. При этом разные языки, заполняющие семиосферу... выделяют во внележащей реальности различное. Появляющаяся таким образом стереоскопическая картина присваивает себе право говорить от имени культуры в целом. Одновременно, при всем различии субструктур семиосферы, они организованы в общей системе координат: на временной оси – прошедшее, настоящее, будущее, на пространственной – внутреннее пространство, внешнее и граница между ними. По этой системе координат перекодируется и внесемиотическая реальность – ее пространство и время – для того, чтобы она сделалась «семиотизабельной», способной стать содержанием семиотического текста» (Лотман, стр. 259). В этой картине мира реальное расположение восхода не имеет значения, важнее тот факт, что на символическом уровне девушки как бы двигаются из прошлого (ночи) в будущее (восход).

Субъект, вне зависимости от своей социальной принадлежности, оказывается, как бы, в оторопи перед огромным пространством, открывающимся ему. Но эта оторопь может привести его либо к восторженному восхищению, либо к растерянности и даже страху. И если в первой части нашей работы свое основное внимание мы уделили состоянию неуверенности, растерянности, нередко отторжению чуждого пространства, то в этой части мы попытаемся

проанализировать вторую модель. И хотя во многом она была инспирирована официальной пропагандой, да и подпитывалась ей, мы не склонны видеть во всех ее проявлениях лишь фальшь. Как нам кажется, официальная пропаганда лишь использовала то, уже имеющееся настроение энтузиазма, порожденное верой в возможность построения нового общества, созидательную силу советского человека, и особенно молодых людей.

«Здесь будет город-сад» – новое восприятие сибирского фронта

Не следует забывать, что обе указанные выше тенденции восприятия фронтального пространства являются универсальными. Мы легко обнаруживаем их во множестве других фронтальных пространств Америки, Африки, Австралии и т. д.. Нередко дихотомия восприятия фронтального пространства проходит в тропях «дикая опасная страна» / «страна обетованная». Мы уже писали в предыдущей части статьи о поисках рая в Сибири в XIX в. (стр. 15-16). Попытки реализовать утопические идеи создания на фронтальной территории идеального общества предпринимались самыми различными религиозными организациями как в России, так и по всему миру. Эти попытки широко известны, и мы не будем подробно на них останавливаться. Заметим только, что сам «проект» пуританской Америки во многом был продиктован таким посылом, начавшимся с известной проповеди одного из отцов основателей колонии Массачусетс Джона Уинтропа, прочитанной в 1630 г. на борту судна Арабелла (Арбелла)¹, доставлявшего очередную партию колонистов к берегам Америки. Эта проповедь вошла в историю под названием «Образец христианского милосердия»². В основу этой проповеди легла 5 глава Евангелия от Матфея, в которой Иисус постулирует основные поведенческие принципы христианина. Уинтроп, опираясь на свое видение Нагорной проповеди Христа, заявляет, что колонисты должны стать примером для других, ведь Христос говорил: «Вы – свет мира. Не может укрыться город,

¹ Хотя общепринятая версия гласит, что проповедь была прочитана на борту Арабеллы, есть и две других версии, согласно первой, проповедь была прочитана во время прощального обеда перед отплытием, а другая, что Уинтроп прочитал ее сразу же после прибытия в Новую Англию.

² Model of Christian Charity

уют,
сидят
впотьмах
рабочие,
подмокший
хлеб жуют.
Но шепот
громче голода
он кроет
капель спад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»» (стр. 129).

Это пророческое предсказание разворачивается в виде яркого описания борьбы человека с суровой природой:

«Здесь
взрывы закудахтают
в разгон
медвежьих банд,
И взроет
недра
шахтою
стоугольный
«Гигант».
Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками,
пар,
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.

Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга» (стр. 129-130).

Хотя напрямую метафора города-сада и не связана с идеями Дж. Уинтропа, однако, косвенно она во многом восходит к идее идеального города-рая, зародившейся в Новой Англии. Сложно сказать, известна ли была В. Маяковскому идея города-сада, или она была поведена ему его другом Я. Хреновым, но сама стройка нового металлургического гиганта начиналась на месте поселка, носящего название Сад-город. Этот поселок был заложен в 1904 г. русско-французским акционерным обществом «Копикуз» (Кузнецкие каменноугольные копи), образованным незадолго до этого. Акционерное общество вынашивало далеко идущие планы, намереваясь превратить Кузнецк в крупный промышленный центр Западной Сибири.

В основу поселка Сад-город была положена идея английского социалиста утописта Эбенизера Говарда (1850-1928), которая собственно и обозначалась термином Город-сад. В двадцатилетнем возрасте молодой Говард отправляется в США, где намеревается заняться фермерством, но трудная жизнь фермера в Небраске не приносит удовлетворения молодому человеку, плохо знакомому с сельскохозяйственным трудом, поэтому он перебирается в Чикаго, где начинает работать журналистом. Именно в этот период он знакомится с Ральфом Уальдо Эмерсоном, знаменитым писателем и социальным философом, одним из основоположников трансцендентализма. Именно под влиянием таких философов как Уальдо Эмерсон и Генри Дэвид Торо формируется интерес к переустройству общества, тем более, что они не только пропагандировали новые идеи, но и пытались реализовать их на практике. Огромное влияние на Говарда оказала и утопия английского врача Бенджамина Уорда Ричардсона (Benjamin Ward Richardson) «Гигея: город здоровья» (Richardson, 1876), в которой он изложил основные принципы здорового города. Помимо этих идей,

огромное влияние на Говарда оказали и социалистические идеи, особенно Фабианское общество и Герберт Спенсер. Некоторое время находился он и под влиянием идей Кропоткина.

Английский исследователь Роберт Биверс полагает также, что большое влияние на Говарда оказала городская среда Чикаго, выгодно отличавшаяся от других американских и английских городов, и особенно Лондона. После пожара 1871 г. город был перестроен, в нем было заложено множество парков, и современникам Чикаго был известен как город-сад (1988, р. 7).

По мнению этого же исследователя, на общее представление Говарда об идеальном городе повлияли и религиозные идеи. Это заметно хотя бы по тому, что эпиграфом для своей книги (*To-morrow: A Peaceful Path to Real Reform*, 1898) он взял поэму американца Джеймса Расселла Лоуэлла (1819-1891) «Кризис нашего времени», в котором постоянно упоминается корабль пилигримов «Мэйфлауэр», место высадки колонистов Плимутский камень, к которому, по преданию, причалили отцы-пилигримы (1903, pp. 76-78). Да и первая лекция, которую он прочитал после выхода своей книги, была в унитарной церкви. Говард мечтал об особом городе, в котором его жители будут объединены духом христианской любви, гармоничного существования, взаимопомощи, совместно противостоя капиталистическим ценностям стяжательства, духу потребительства и т.д.

Талантливому утописту удалось не только увлечь сотни тысяч последователей во многих странах мира, но и, в некотором роде, воплотить свою мечту в жизнь в 1902 г. небольшом английском городишке Лечворсе.

В начале XX в. идеи Говарда о городе-саде добрались и до России, найдя здесь благодатную почву. Следует отметить, что в России делались и свои попытки создания нового общества с новой урбанистической средой. Поэтому оригинальная концепция градостроительства английского утописта пришлась по душе многим прогрессивным россиянам, видевшим в ней возможность мирного переустройства общества. И хотя первый перевод книги (Говард, 1911) был осуществлен лишь в 1911 г. А.Ю. Блохом, побывавшим лично в городе-саде в Англии, где он ознакомился с реальной жизнью нового общества, очень многие россияне были знакомы с идеями Говарда по английским и немецким переводам. Одним из

подобных популяризаторов городов-садов был инженер, профессор Рижского Политехнического Института, А.К. Енш, регулярно печатавшийся в журнале «Зодчий» с обзором новостей по реализации движения Говарда (1910).

По всей России создавались общества последователей Говарда. В 1912 г. подобное общество было создано в Москве, а на следующий год в Петербурге. Именно в этих городах предпринимаются первые попытки создания подобных поселений. Однако, наибольшее распространение эти идеи получают на фронтальных территориях по всей России, и особенно в Сибири.

Особую популярность идеи Говарда получили среди руководства железных дорог, так как в России сеть железнодорожных путей росла с каждым днем, и подобная практика создания железнодорожных поселений-колоний для железнодорожных рабочих отвечала нуждам Министерства путей сообщения. В 1916 г. оно «принимает решение о строительстве поселков-садов для железнодорожных чинов Омской и Томской железных дорог в Сибири, а также Николаевской железной дороги под Петербургом и Москвой» (Меерович, 2005, стр. 128). Но не только железнодорожные службы оказались идеологическими застройщиками новой концепции градостроения. Идея города, в котором размыта грань между человеком и природной средой нашла воплощения в самых различных формах: поселения-сада, хутора-сада и т.д. Идея нового города пришлась так по вкусу градостроителям, что она стала воплощаться и на Дальнем Востоке, не только на территории России, но и вдоль КВЖД. По принципу города-сада были построены российско-китайские города, находящиеся в концессии КВЖД Харбин, Дальний и Порт-Артур (Корчагина, 2016). Конечно, легко понять то, что именно железнодорожники проявили наибольшую активность в этом вопросе. Здесь, как нам кажется, проявился передовой характер самой отрасли, ее ориентированность в будущее, связь с европейской системой образования, да и в целом высокий уровень образованности. Сказался и тот факт, что железнодорожные инженеры и архитекторы строили свои поселения на новых землях.

Но не только железнодорожники так активно проявляли себя. Там, где создавалась возможность для новой застройки, нередко возникали города-сады. После того, как в 1917 г. пожаром было

уничтожено около 1000 строений, гражданский инженер И.Ф. Носович разработал проект, в основу которого была положена концепция города-сада. Правда, в процессе строительства большинство норм данного проекта так и не были соблюдены в силу самых различных причин (Коньшева, 2011).

О том, что идея города-сада очень хорошо подходила для освоения новых земель, говорил еще в 1910 г. гражданский инженер А.К. Енш: «Конечная цель разрастающегося движения в пользу городов-садов сводится к внутренней колонизации, которая стремится уничтожить тесноту больших городов, вызывающую усиленную заболеваемость и смертность, а также дороговизну квартир, и достигнуть децентрализацию промышленности и более равномерного распределения ее по стране... Подобные поселения сделают жизнь, особенно бедного люда, более здоровой и приятной, так как всем известно, какое благотворное влияние на самочувствие человека имеет чистое, спокойное, просторное и удобное жилище» (Енш, стр. 4)

Но вернемся к самой идее города-сада. Как нам кажется, хотя она и подогревалась различными социалистическими идеями по созданию нового общества, во многом она подпитывалась и протестантской этикой, носителем которой несомненно был Э. Говард. Его связь с церковью проявилась во многих моментах, заметна она и в самом его произведении, изобилующем различными отсылками к религиозным символам.

Идея идеального города-сада, являвшегося символом земного рая была характерна для многих протестантов деноминаций в США в самые различные периоды. Но своеобразной кульминацией этого стремления мы находим в деятельности любителя-садовода Джона Чэпмена (1774-1845), прозванного его современниками Джонни Яблочное-зернышко (Johnny Appleseed). Он прославился тем, что везде сажал яблоневые питомники, а саженцы из них дарил или продавал за бесценок переселенцам. Он постоянно двигался все дальше на Запад, закладывая все новые и новые яблоневые питомники. Будучи последователем знаменитого европейского мистика Эммануила Сведенборга и членом церкви Нового Иерусалима, Джон Чэпмэн мечтал о создании аналога рая на Земле. Однако, поведение его во многом не вписывалось в привычный образ последователя протестантизма или какого-то нового сектантского

направления. Он часто жил в лесу, ходил босиком даже зимой, нередко ему приходилось спать прямо на снегу, носил простую одежду, на голове меховая шапка или вообще глиняный горшок для приготовления еды. Он также проповедовал братские отношения ко всем людям, нестяжательство, трезвость, но и призывал к гуманному отношению к животным и растениям (Knapp, 1863, стр. 27-38), (Graham, 1880, pp. 269-271), (Hillis, 1904), (Price, 1939), (Means, 2012).

Основная территория деятельности Джонни Яблоневого-зернышко был Средний Запад, в основном Огайо, но нередко заходил он и на территорию штата Иллинойс, столицей которого является Чикаго.

Приведя пример с Джоном Чэпменом, мы хотели показать, что в действиях и упомянутого персонажа, и Э. Говарда много общего: прежде всего стремление изменить окружающий мир путем созидательного труда на благо общества, превратив его в цветущий сад. При этом человек выступает в подобных проектах важной созидательной силой, обустроивающий и переустраивающий дикую природу, облагораживая ее. Фронтирная территория как нельзя лучше отвечала этим задачам. Хотя, как легко вспомнить из истории СССР, идея активного переустройства мира не сводилась лишь к фронтирным территориям. И здесь уместно вспомнить мичуринскую сентенцию, о том, что «нельзя ждать милости от природы, взять их у нее – наша задача» (Мичурин, 1950, стр. 10).

«От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей,
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей...»

Так пелось в известной советской песне 1936 г. «Широка страна моя родная», написанной В. Лебедевым-Кумачом и И. Дунаевским. Этот лейтмотив человека-хозяина, идущего созидательной поступью по бескрайним просторам своего социалистического отечества надолго стал основным в советском дискурсе. К нему неоднократно будут обращаться поэты-песенники и в 60-70-е гг., формируя новое отношение к фронтирному пространству:

«Главное, ребята, сердцем не стареть,
Песню, что придумали, до конца допеть.

В дальний путь собрались мы,
А в этот край таёжный
Только самолётом можно долететь.

А ты улетающий вдаль самолёт
В сердце своём сбереги,
Под крылом самолета о чём-то поёт
Зелёное море тайги.
Под крылом самолета о чём-то поёт
Зелёное море тайги.

Лётчик над тайгою точный курс найдёт,
Прямо на поляну посадит самолет,
Выйдет в незнакомый мир, ступая по-хозяйски,
В общем-то зелёный молодой народ» (Гребенников & Добронравов, стр. 161-162).

Эта фраза про молодого человека, ступающего по-хозяйски в незнакомый мир, оказывается ключевой для целой эпохи освоения Сибири:

«Там веками ветры да снега мели,
Там совсем недавно геологи прошли.
Будем жить в посёлке мы пока что небогатом,
Чтобы все богатства взять из-под земли.

Мчатся самолеты выше облаков,
Мчатся, чуть похожие на больших орлов,
Мчатся над тобой они, а знаешь, дорогая,
Лету к нам в Таёжный несколько часов» (Там же, стр. 162).

Конечно, не следует забывать, что многие из подобных текстов писались по заданию партии, и вместе с тем, они были навеяны всеобщим энтузиазмом эпохи созидателей, которыми руководила мечта создания нового мира в этих глухих местах. Как мы видели, частично эти идеи были продолжением еще дореволюционных идея преобразования мира, но в 30-е годы они получили еще дополнительный мощный импульс от государства, всячески поддерживающего эти идеи.

Мы уже упоминали фильм «Аэроград» (1936), представляющий своеобразную мечту советского человека о

создании в далеких землях нового города будущего. Вокруг только суровая природа и враги молодого государства (староверы, белогвардейцы и японские шпионы), но вера в светлое будущее, молодых людей, несущих на край земли прогресс и социалистические идеи, поможет построить новый город авиаторов. Как нам кажется, неслучайно именно авиаторы оказались тем новым актором, способным претворять мечту в жизнь. Как еще раньше железнодорожные рабочие были субъектами новых идей, так и сейчас именно авиаторы, молодые летчики оказываются в центре общественного романтического дискурса, посвященного фронтальному подвигу. Правда, фронтальное пространство оказывается всего лишь фоном, на котором и разворачивается борьба молодого поколения с трудностями. И в этом плане новое восприятие фронтального пространства кардинальным образом отличается от той модели, которую мы описали в первой части статьи. Теперь дискурс наполнен красотой новых земель, тайги, могучих сибирских рек. Особенно это ярко проявилось в 60-е гг., т.к. в наибольшей степени отвечало романтическому настрою молодых людей, отправляющихся в новые земли и уверенные в красоте просторов Советской отчизны. И здесь этот новый дискурс оказывается «разорванным» между старыми парадигмами опасностей далекого пространства, невероятных трудностей, которые подкарауливают покорителя Сибири, и романтизмом созидательной жизни. Однако, именно прогрессивная мощь новой власти, выраженная в авиации, максимально успешно продемонстрирована в фильме. Авиатехника буквально гипнотизирует зрителя, мощные самолеты стремительно взмывают в высь, намекая на неумолимое движение страны Советов в светлое будущее. Но теперь здесь уже технократическая модель города будущего. В нем нет гармонии природы и технического прогресса. Дикая природа далекой земли отступает под натиском нового человека.

Но вера в город-сад никуда не делась, хотя в 30-е гг. о нем немного забыли. Кузнецкстрой оказался сложнейшим актом героизма, преодоления невероятных трудностей, в котором уже не было времени мечтать, «сидя под проливным дождем под старой телегой», как об этом писал В. Маяковский. Эти тяжелые будни вытесняют все, здесь нет пространства как такого, нет природного ландшафта, есть лишь пространство стройки, наполненное стуком,

скрежетом металла, криками рабочих, грохотом тяжелых машин. Очень хорошо это отразилось в стихотворении 1931 г. сибирской поэтессы Беллы Евсиович «Кузнецкстрой ночью»:

«Ночь на Кузстрое – это не ночь!
Разве можно уснуть в трудовых окопах?
Не согнать ей синей прохладой прочь
Крупный пот землекопа.
Приходит со скиповой вечером,
После кирки стучат топоры.
Только вздрагивает изувеченная
Зеленая грудь горы.
Да, Кузстрой и ночью поет.
Только звуки сильнее и чище!
В них вплетает мотор свое
Токающее голощище...

...Визг и треск,
треск и визг,
Грохот рубильного молота.
Вниз и вверх,
вверх и вниз
Воздуха сильного волны.
Режут железо, рубят обух,
Быстро, легко и просто.
Слово расслышать
тужится слух
На гремящем мосту Стальмоста
«Эй, заклепок, заклепок, браток!
Давай,
подавай,
пошевеливай!»» (Евсиович, 1931).

В сибирской прессе 30-х гг. уже редко кто вспоминал про город-сад. У строителей Кузнецкстроя стояли другие задачи: «Ртуть в термометрах спряталась. Пятидесятисемиградусный мороз матовыми стеклами тумана загородил каупера, домны, трубы, тепляки. Трещит земля.

К ночи мороз плотнее наваливается на стройку. Тишина. Уличные открытые работы и работы вверху на сборке кауперов и

домен прекращены. Не слышно обычного грохота и трескотни пневматических сверл. С непривычки как-то не по себе, чего-то не хватает, словно во время полета на аэроплане мотор вдруг выключили и стало тихо. Не по себе было в эти лютые морозы на площадке Кузнецстоя» (Мрачковский, стр. 79). Вся статья Мрачковского – это перечисление трудностей, которые испытывает Кузнецкстрой, в ней нет мечты, нет полета фантазии. Этой мечте некуда стремиться, у ней нет пространства для полета. В конце 20-х гг. идеи города-сада были сведены на нет, так как сам принцип индивидуального проживания участников этого социального проекта противоречил целям идеологического воспитания масс. Поэтому город-сад объявлялся врагом государства (Меерович, 2007, стр. 154). По мнению некоторых экономистов того времени, забота о здоровье и гигиене трудящихся (о чем настаивал Э. Говард), озеленение окружающих заводы территорий представляют собой интеллигентской маниловщиной (Косенкова, стр. 16). Когда В. Маяковский упоминал город-сад, вряд ли на самом Кузнецкстрое эта мечта была уж столь актуальной. Она уже существовала в большей степени как символ, а не как реальный проект, к которому стремились.

Правда, если о проекте и забыли, то о самом символе – городе-саде в далекой холодной Сибири никто не забыл. В 60-е гг. XX в. понадобился новый подъем созидательного героизма, и об идее сада-города вновь заговорили. Правда, нередко это был, выражаясь современным языком, всего лишь мем. Статья журналиста 1960 г. Станислава Куняева, опубликованная в журнале «Сибирские огни» вновь намекает на строительство города-сада, но уже в Тайшете. Она так и озаглавлена: «Здесь будет город-сад» с подзаголовком «Что происходит сейчас в Тайшете». Однако, как легко догадаться, там нет ни слова об этом проекте, лишь последняя строчка, являющаяся цитатой из В. Маяковского, вновь возвращает нас к этой теме. Все содержание статьи – пересказ будней стройки, точнее ее подготовительного этапа. И вновь описание энтузиазма строителей, сложности жизни. Отличие от предыдущих очерков по Кузнецкстрою лишь в том, что теперь одним из часто упоминаемых героев оказывается молодая женщина. Именно она оказывается одним из главных персонажей нового образа Сибири: «Шумно и в конторе «Фундаментпроекта». Здесь много девушек – Тоня Александрова,

Люся Райкова, Тамара Болотникова. Все москвички. Трещать арифмометры, мелькают в быстрых руках логарифмические линейки, – идет камеральная обработка материалов» (Куняев, стр. 131).

Женские образы – новое явление сибирских текстов. Здесь уместно заметить, что Е. Евтушенко в своей известной поэме «Братская ГЭС», создававшейся в начале 60-х гг., центральным героем сделал женщину – Нюшку Буртову, которая конечно является собирательным образом женщины – строительницы нового мира. Появляются там и другие женские образы (Сонька, Тамарка).

Мы уже писали, что практически уже первая песня сибирского цикла С. Гребенникова и Н. Добронравова была посвящена сибирским девушкам. В описании своей песенной экспедиции по Сибири они не раз останавливались на этой теме. Образ девушки-сибирячки, живущей на речке Бирюса стал центральным в 62-63 гг. и для песен Л. Ошанина:

«Не берёзку, не осинку,
Не кедровую тайгу,
А девчонку-бирюсинку
Позабыть я не могу.
С ружьёмом уйдет под вечер,
Не найдёшь четыре дня.
Может, в лося выстрел метил,
А ударил он в меня.

Пусть красивы городские -
У нее глаза синей,
Городские не такие,
Если сердце тянет к ней...
Перед этим синим взором
Я как парус на волне.
То ль её везти мне в город,
То ль в тайге остаться мне..?» «Бирюсинка», 1962, (Крюков & Шведов, стр. 328-329).

Написал Л. Ошанин и песню от лица этой самой Бирюсинки:
«Я тебя не ждала, не искала,
В бирюсинские дали маня.
На обросших смородиной скалах
Ненароком ты встретил меня.

Ты привык ко всему городскому,
Что тебе в нашей дикой красе?
Может, вдруг станет скучно такому
На дремучей реке Бирюсе.

Вот опять тянет медом с верховий,
Влажный ветер зовет меня в путь.
Почему ж твои рыжие брови
В эту ночь не дают мне уснуть...
В эту ночь, может, кажешься мне ты
Самым главным в девичьей судьбе.
Я боюсь, что случайно об этом

Бирюса разболтает тебе» «Таёжный вальс», 1963 (Там же, стр. 330-331).

Конечно, образы женщины-сибирячки или женщины, приехавшей на поколение Сибири, неслучайно появлялись в новых текстах. Они помогали создавать новый образ этой территории, притягательный для молодого поколения. Они как бы намекали, что здесь молодой человек не только сможет героически проявить себя, но и найти свою любовь:

«Ведут пути сибирские
И к счастью и к удаче,
Нигде девчат, наверно, нет

Таких, как сибирячки!» (Гребенников & Добронравов, стр. 142)

Тема любви и дальних мест в разных вариантах становится центральной для многих поэтических и прозаических текстов. Все это не могло не оказывать огромного влияния на молодое поколение советской молодежи, мечтавший о геройстве, покорении новых земель и романтической встречи с любимым человеком где-то там в далеких землях бескрайней Родины. В 60-е гг. появилось целое поколение, для которого дальние поездки, альпинизм, туризм и т.д. превратились не только в хобби, но и стали смыслом жизни. Это было действительно фронтирное поколение, которое было увлечено мощным потоком, заполнявшим все больших самые удаленные уголки СССР. Конечно, началось это еще в середине 50-х гг. с проектом освоения целинных земель, но именно в середине 60-х тема освоения новых земель становится центральной в поэтическом нарративе

СССР. Песня И. Сидорова «Люди идут по свету» (1962) оказывается своеобразным гимном нового поколения:

«Люди идут по свету...
Им вроде немного надо –
Была бы прочна палатка,
Да был бы не скучен путь!

Выверен старый компас,
Получены карты и сроки,
Выштопан на штормовке
Лавины предательский след.
Счастлив, кому знакомо
Щемящее чувство дороги.
Ветер рвет горизонты

И раздувает рассвет» (Семеро у костра : (сборник бардовских лирических песен), стр. 61).

Все это даже порождает и новые жанры (песня-репортаж) и новое направление – авторская или бардовская песня, основной темой которых были походы, дальние тропы, трудности и опасности пути и т.д..

И здесь мы вновь встречаемся со старым парадоксом типологической схожести американского и российско-советского фронтиров. Как бы ни казалось, у советского и американского фронтирных дискурсов есть мало что общего. И вместе с тем, детальное сравнение даже светского фронтирного дискурса показывает множество типологически близких элементов. Правда, в отдельных случаях это сходство возникает в результате прямых заимствований. К сожалению, в отечественной историографии этот вопрос еще не до конца изучен. Типичным примером подобных заимствований может служить плакат 1934 г. П. Соколова-Скаля «Челюскинцам и спасшим их героическим летчикам пламенный пролетарский привет!» (рис. 1) (Снопков, Снопков, & Шкляр, стр. 36), структурно повторяющий известную картину американского художника XIX в. Эмануэля Лойце (1816-1868) «На Запад устремляется империя» («Westward the course of empire takes its way») (1861).

Однако, намного чаще встречаются параллели, возникающие из-за схожести переживаний акторов фронтирных процессов, от

общего ощущения важности момента. Подобные аналогии можно заметить и в императиве многих поэтических текстов, посвященных фронтальной тематике. Все это порой немного напоминает уже упомянутую проповедь Джона Уинтропа, в которой он намекает пуританам об их исключительности и важности их предназначения. Здесь мы видим то же самое:

«Главное, ребята, сердцем не стареть,
Песню, что придумали, до конца допеть.
В дальний путь собрались мы,
А в этот край таёжный
Только самолётом можно долететь»

Или

«Будь товарищ вечно в движеньи!
Пусть не гаснет твоя звезда,
Пусть не терпят у нас крушенья,
Ни надежды, ни поезда!

Будь товарищ вечно в движеньи!» (Гребенников & Добронравов, стр. 112).

Гребенникову и Добронравову вторит и Ю. Визбор: «Главное – идти по земле, видеть людей, пожимать им руки, калякать о том о сем» (Визбор, 2012).

Жизнь такого человека, по мнению С. Гребенникова и Н. Добронравова, превращается в эталонную:

«Так уж вышло, что наша мечта
На плакат из палаток взята,
С нас почти исторический пишут портрет,
Только это, друзья, суэта» (Прощание с Братском, 1968).

С этими строчками прославленных поэтов нельзя не согласиться. Этот процесс и главные его герои действительно и составляли исторический портрет эпохи. Они придумывали мифы и старались претворить их в жизнь.

Во многом эта мифологическая парадигма продолжала существовать в традиционной мессианской модели нового идеального города, создав. И хотя в 50-60-х гг. уже никто не вспоминал про старую модель города-сада, однако, сама идея идеального города продолжала существовать. И город-сад в связи с этим как реальный проект, ушел в прошлое, а его место заняла

метафора подобного города. Правда, попытки реализации подобной мечты никуда не делись. С. Гребенников и Н. Добронравов подробно описывают попытку реализовать мечту города-сада в Братске. Этот проект пытался осуществить дендролог Герман Тафинцев, приехавший туда из Москвы. Но не смотря на положительное и перспективный старт, этот проект так и не получил поддержку от властей. Сама идея подобного города уже стала уделом энтузиастов. Слишком неравнозначными казались героические будни и какие-то цветочки. Все это, по мнению С. Гребенникова и Н. Добронравова, осознавалось многими братчанами: «– Все, что сделано за эти годы по озеленению Братска, все это сделано им, Германом, говорит комсорг ЛПК Толя Львов. – Конечно, трудно ему пока работать. Не считается у нас его работа серьезным делом. Если баранку крутишь или бетон кладешь – все понимают, что это необходимо. А тут человек цветочки сажает... Не до этого, мол, сейчас.

– Вы знаете, – в разговор вступает инженер Спартак Губайдулин, – Герман своими силами сделал оранжерею в одной из палаток. Посадил рассаду. Цветы росли зимой. Люди приходили любоваться на новое таежное чудо. И вот однажды...вы не поверите, мы видели, как Герман плакал... Оказывается, здесь, у нас в тайге, ему перестали отпускать... дрова для отопления оранжереи» (Гребенников & Добронравов, стр. 102).

Цветы, как символ новой жизни, в которой грезится светлое будущее, появляются и в поэме Е. Евтушенко «Братская ГЭС»:

«Пускай цветы таежные
стоят, красным-красны,
чтоб снились не тревожные,
не лагерные сны» (Евтушенко, 1965, стр. 50).

Своеобразным апофеозом этого символа города-сада и созидательной активности советского человека, вдохновленного успехами по освоению космоса, стала песня на стихи Евгения Долматовского «И на Марсе будут яблони цвести» (1962):

«Жить и верить – это замечательно!
Перед нами небывалые пути.
Утверждают космонавты и мечтатели,
Что на Марсе будут яблони цвести!
Хорошо, когда с тобой товарищи,
Всю вселенную проехать и пройти.

Звезды встретятся с Землею расцветающей,
И на Марсе будут яблони цвести!
Я со звездами сдружился дальними!
Не волнуйся обо мне и не грусти.
Покидая нашу Землю, обещали мы,
Что на Марсе будут яблони цвести!» (Долматовский, стр. 217).

Этот перенос символа с пространства Земли в космическое пространство хорошо показывает, что в какой-то степени метафора прогресса теперь начинает ассоциироваться уже с космосом, тесня пространство сибирского фронта как второстепенное. Однако, еще долго сибирский фронт будет напоминать о себе самыми различными способами. В 70-х гг. появляются многочисленные фильмы, посвященные Сибири. Среди них особенно хотелось бы выделить четырехсерийную эпическую драму «Сибириада» (1978, реж. Андрей Кончаловский, сценарий В. Ежов и А. Кончаловский). В ней мы видим развернутое полотно, на котором изображены нескольких поколений сибиряков, мечтающих о своеобразном «городе солнца». Еще в первой серии один из главных героев, в прошлом один из лучших охотников, в одиночку рубит через тайгу дорогу. Как поясняет его сын, он и сам не знает, куда. Его дорога ведет к звезде, которая ярче остальных.

Тема светлого будущего постоянно возникает во всех четырех сериях фильма. «Город солнца», как некое новое будущее, на месте старого, отжившего, упоминается и в третьей серии. Правда, эта метафора звучит там несколько иронично, так как произносится в драматичный момент встречи старых противников.

Конечно, возвращение к теме построения нового общества было связано с активизацией освоения Сибири в конце 60-х гг. и прежде всего со строительством Байкало-Амурской магистрали, объявленной всесоюзной стройкой.

Заключение

В этой части статьи мы попытались рассмотреть другую парадигму восприятия фронтального пространства, восходящего к христианским мотивам, связанным с мессианскими переживаниями поиска ветхозаветного рая или его создание его аналогов на новых землях. И хотя между советскими «прогрессистскими» моделями освоения Сибири и пуританскими традиционалистскими проектами

построения нового общества пролегла глубокая идеологическая пропасть, все равно советские метафоры «нового города» (города-сада, города-солнца, аэрограда, космограда и т.д.) были тождественны попыткам воссоздания Нового Иерусалима, которые были так характерны для пуритан Нового Света.

Вместе с тем, социалистический энтузиазм и развитая пропаганда среди молодежи порождали в некоторой степени топофильное отношение к новому пространству Сибири.

Список литературы

Beevers, R. (1988). *The garden city utopia: a critical biography of Ebenezer Howard*. London: The Macmillan Press.

Graham, A. A. (1880). *History of Richland County, Ohio: (including the original boundaries)*. Mansfield: A. A. Graham & co.

Hillis, N. D. (1904). *The Quest of John Chapman: The Story of a Forgotten Hero*. New York: The Macmillan Company.

Howard, E. (1898). *To-morrow: A Peaceful Path to Real Reform*. London: Swan Sonnenschein & Co.

Knapp, H. S. (1863). *History of the Pioneer and Modern Times of Ashland County from the Earliest to the Present Days*. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co.

Lowell, J. R. (1903). *The Poetical Works Of James Russell Lowell*. London, New York: Macmillan & Co.

Means, H. (2012). *Johnny Appleseed: The Man, the Myth, the American Story*. New York: Simon and Schuster.

Price, R. (1939). The New England Origins of "Johnny Appleseed". *The New England Quarterly*, 12(3), 454-469.

Richardson, B. W. (1876). *Hygeia : a city of health*. London: Macmillan & Co.

Smith, P. (1973). *As a City upon a Hill. The Town in American History*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Визбор, Ю. И. (2012). *Надоело говорить и спорить*. Москва: Алгоритм.

Гоуард, Э. (1911). *Города будущего*. С.-Петербург: Типография "Общественная польза".

Гребенников, С. Т., & Добронравов, Н. Н. (1964). *В Сибирь, за песнями*. Москва: Молодая гвардия.

Долматовский, Е. А. (1984). *Я вам должен сказать: книга стихов*. Москва: Современник.

Евсиович, Б. (ноябрь-декабрь 1931 г.). Кузнецкстрой ночью. *Сибирские огни*(11-12), 44-45.

Евтушенко, Е. (Апрель 1965 г.). Братская ГЭС. *Юность*, 26-69.

Енш, А. К. (1910). *Города-Сады (Города будущего)*. Отдельные оттиски из журнала "Зодчий" за 1910 г. С.-Петербург.

Коньшева, О. Ю. (2011). Идея города-сада, воплощенная гражданским инженером И.Ф. Носовичем в I трети XX в. *Известия Алтайского государственного университета*(2-2), 172-174.

Корчагина, О. А. (2016). Города-сады дальнего Востока в начале XX века: Дальний, Порт-Артур, Харбин. *Актуальные проблемы теории и истории искусства*, 668-675.

Косенкова, Ю. В. (2009). Советская архитектура в поисках средств создания благоприятной среды. *Academia. Архитектура и строительство*(5), 15-19.

Крюков, Н., & Шведов, Я. (Ред.). (1977). *Русские советские песни (1917-1977)*. Москва: Художественная литература.

Куняев, С. (1960). «Здесь будет город-сад». Что происходит сейчас в Тайшет. *Сибирские огни*(3), 129-134.

Лотман, Ю. М. (2010). *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ.

Маяковский, В. (1955-1961). *Полное собрание сочинений в 13 томах* (Т. 10). Москва: Художественной литературы.

Меерович, М. Г. (2005). Города-сады в Западной Сибири (градостроительная политика России в конце XIX – начале XX в.). *Вестник Кузбасского государственного технического университета*(6), 128-132.

Меерович, М. Г. (2007). Рождение и смерть городабсада: действующие лица и мотивы убийства. *Вестник Евразии*(1), 118-166.

Мичурин, И. В. (1950). *Итоги шестидесятилетних трудов*. Москва: Академии наук СССР.

Мрачковский, В. (январь 1931 г.). Кузнецкий металлургический. *Сибирские огни*(1), 78-95.

Семеро у костра : (сборник бардовских лирических песен). (1996). Санкт-Петербург: АОЗТ РИФМА.

Снопков, А. Е., Снопков, П. А., & Шкляр, А. Ф. (2004). *Шестьсот плакатов*. Москва: Контакт-Культура.

Якушенко, С. Н. (2016). На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. *Журнал фронтирных исследований*(4), 7-32. Получено из http://frontierstudies.com/publish/publish_28_0_2017_16_35_26/publish28_0_2017_16_35_26.pdf

GLOOMY CLOUDS COVER THE BORDER - THE STERN LAND IS ENVELOPED IN SILENCE¹. PART II.

Yakushenkov S.N.

Yakushenkov Sergei Nikolayevich, Astrakhan State University, Astrakhan, 414056, Tatischeva St., 20A.
Email: shuilong@mail.ru

The article continues the analysis of the perception of space in Russian culture begun in the previous issue of the Journal. The focus of the first part was on the perception of frontier space, generating the feelings of uncertainty, sadness, longing, alternating with rebellion, aggression and desire to leave the unwanted space. All this found its reflection in a kind of litanies, in which the heroes bemoan their tragic fate. In the second part our attention is paid to the different paradigm of frontier space perception, generated by the official propaganda in the Soviet Union, that was supposed to create a positive attitude in the perception of this space. Although the origins of this must be sought in the 30-ies of XX century, it was highlighted in the 60-ies..

The active development of Siberia, the Virgin Lands (Tselina) of Kazakhstan required that huge amounts of the population should participate in these large-scale events. The pathos of new land development is reflected in all areas of artistic culture, which, in turn, generated a warm response in the minds of the Soviet people, who were ready to follow the call of their hearts and the government and to go to distant lands, to endure hardships, but to create a new bright future. In the Soviet discourse on the development of frontier space two motives are evident: the romanticism of a pioneer (a geologist, a polar explorer, an explorer of new lands) and the celebration of the construction of a new ideal city. However, we should understand that the second motif is a continuation of the biblical tradition associated with the desire to "recreate" the perfect city – "New Jerusalem", "the city of Eden". And although some of the

¹ The article is written with a support of RFFI 15-33-11172 «Cultural Security in conditions of Heterotopia»

works with a similar theme were done according to the order of the government, there were little hypocrisy in them, as they were created by authors, who themselves were the bearers of such ideas. They found a response among broad masses of people for whom these ideas have not lost their relevance despite the replacement of religious ideas by socio-political constructs of the era of socialism.

Key words: the Frontier, space perception, topos, locus, Siberia, Garden-city, City upon a Hill, romanticism of exploration, Utopia, topophilia.

References:

Beevers, R. (1988). *The garden city utopia: a critical biography of Ebenezer Howard*. London: The Macmillan Press.

Graham, A. A. (1880). *History of Richland County, Ohio: (including the original boundaries)*. Mansfield: A. A. Graham & co.

Hillis, N. D. (1904). *The Quest of John Chapman: The Story of a Forgotten Hero*. New York: The Macmillan Company.

Howard, E. (1898). *To-morrow: A Peaceful Path to Real Reform*. London: Swan Sonnenschein & Co.

Knapp, H. S. (1863). *History of the Pioneer and Modern Times of Ashland County from the Earliest to the Present Days*. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co.

Lowell, J. R. (1903). *The Poetical Works Of James Russell Lowell*. London, New York: Macmillan & Co.

Means, H. (2012). *Johnny Appleseed: The Man, the Myth, the American Story*. New York: Simon and Schuster.

Price, R. (1939). The New England Origins of "Johnny Appleseed". *The New England Quarterly*, 12(3), 454-469.

Richardson, B. W. (1876). *Hygeia : a city of health*. London: Macmillan & Co.

Smith, P. (1973). *As a City upon a Hill. The Town in American History*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Vizbor, Y. I. (2012). *Tired of talking and arguing*. Moscow: Algorithm.

Howard, E. (1911). *City of the future*. S.-Petersburg: Printing house of "Public benefit."

Grebennikov, S. T., & Dobronravov, N. N. (1964). *To Siberia, for songs*. Moscow: Young guard.

Dolmatovsky, E. A. (1984). *I must tell you: a book of poems*. Moscow: Sovremennik.

Ovsievich, B. (November-December 1931). Kuznetskstroy night. *Sibirskie Ogni* (11-12), 44-45.

Evtushenko, E. (April 1965). Bratskaya GES. *Youth*, 26-69.

Ensh, A. K. (1910). *Garden cities (future Cities)*. Some impressions of the magazine "the Architect" for 1910, St. Petersburg, Russia.

Konyshev, O. Y. (2011). The idea of the garden city, embodied by the civil engineer I. F. Nosovich in the first third of the XX century. *The news of Altai state University* (2-2), 172-174.

Korchagin, O. A. (2016). Garden cities of the Far East in the early twentieth century: the far, Port Arthur, Harbin. *Actualnye problemy teorii y istorii iskusstva*, 668-675.

Kosenkova, Yu. V. (2009). Soviet architecture in search of a means of creating an enabling environment. *Academia. Architecture and construction* (5), 15-19.

Kryukov, N., & Swedes, J. (Ed.). (1977). *Russian Soviet song (1917-1977)*. Moscow: Artistic literature.

Kunjaev, S. (1960). "There will be a garden city". What is happening now in Taishet. *Sibirskie Ogni* (3), 129-134.

Lotman, Y. M. (2010). *Semiosphera*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.

Mayakovsky, V. (1955-1961). *Complete works in 13 volumes* (vol. 10). Moscow: Artistic literature.

Meerovich, M. G. (2005). Garden cities in Western Siberia (the town-planning policy of Russia in the end of XIX – early XX century). *Bulletin of the Kuzbass State Technical University* (6), 128-132.

Meerovich, M. G. (2007). Birth and death городабада: the characters and motives of the murder. *Bulletin Of Eurasia* (1), 118-166.

Michurin, I. V. (1950). *Results of sixty years work*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.

Mrachkovsky, V. (January, 1931). The Kuznetsk metallurgical. *Sibirskie Ogni* (1), 78-95.

Seven men by a campfire : (a collection of acoustic songs). (1996). Saint Petersburg: AOZT RHYME.

Snopkov, A. E., Snopkov, P. A., & Shklyar, A. F. (2004). *Six hundred posters*. Moscow: Kontakt-Kultura.

Yakushenkov S. N. (2016). Gloomy clouds cover the border - the stern land is enveloped in silence. *Journal of Frontier Studies* (4), 7-32. Derived from http://frontierstudies.com/publish/publish_28_0_2017_16_35_26/publish28_0_2017_16_35_26.pdf

Приложение

Рис. 1. Рисунок П. Соколова-Скаля повторяющий композицию картины Эмануэля Лойце «Westward the course of empire takes its way» (1861)